

Кондратьев Борис Сергеевич

ПУШКИНСКИЙ МОТИВ СНА В РОМАНЕ И. А. ГОНЧАРОВА "ОБЛОМОВ"

В статье рассматриваются произведения пушкинской лицейской лирики, которые тематически образуют своеобразный онирический (сновидческий) цикл, анализируются основные мотивы и образы поэтических текстов, раскрываются причины обращения поэта к мифологии сна. Основное внимание автор уделяет стихотворению "Сон", которое в обозначенном цикле является центральным, в аспекте его онтологической связи с гончаровским романом "Обломов".

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/10-2/19.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 10 (40): в 3-х ч. Ч. II. С. 83-86. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/10-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Список литературы

1. Бахтин М. М. Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка: статьи. М.: Лабиринт, 2000. 640 с.
2. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 424 с.
3. Долженков В. Н. Координация коммуникативной деятельности [Электронный ресурс] // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 5. Ч. 2 (35). С. 73-75 URL: <http://www.gramota.net/materials/2/2014/5-2/18.html> (дата обращения 17.07.2014).
4. Колмакова В. В. Усиление духовно-нравственного компонента учебно-воспитательного процесса в учреждениях ВПО в современных условиях: монография. Ростов н/Д: СКНЦ ВШ, 2012. 206 с.
5. Морозов С. М. Диалогизм М. М. Бахтина в контексте естественнонаучной психологии // Консультативная психология и психотерапия. 2011. № 2. С. 34-51.
6. Одарюк И. В. Лингвотнический аспект перевода рекламы // Общество и личность: интеграция, партнерство, социальная защита: мат-лы второй Междунар. науч.-практ. конф. Ставрополь: СКЦИ, 2009. С. 200-203.

CONCEPTION OF BAKHTIN'S DIALOGISM IN MODERN ADVERTISING COMMUNICATION

Kolmakova Valentina Vasil'evna
Rostov Institute (Branch) of
Plekhanov Russian University of Economics
vklm07@mail.ru

The article considers the dialogic conception of M. M. Bakhtin in terms of its manifestation in modern advertising communication. Dialogue is studied as the interaction of cultural tradition and individual creativity. Dialogue construction of advertising text defines for the most part the recipient's perception and interpretation of this message. The topicality of the paper is stipulated by the problem of advertisement texts effectiveness.

Key words and phrases: advertising communication; conception of dialogism; dialogic boxes structures; individual creativity; manipulative language possibilities; cultural tradition.

УДК 398.3

Филологические науки

В статье рассматриваются произведения пушкинской лицейской лирики, которые тематически образуют своеобразный онирический (сновидческий) цикл, анализируются основные мотивы и образы поэтических текстов, раскрываются причины обращения поэта к мифологии сна. Основное внимание автор уделяет стихотворению «Сон», которое в обозначенном цикле является центральным, в аспекте его онтологической связи с гончаровским романом «Обломов».

Ключевые слова и фразы: лицейская лирика; онирический цикл; пушкинская традиция; поэтический мотив; православие; русский роман; мифопоэтика; символ; эпикурейская поэзия; духовность

Кондратьев Борис Сергеевич, д. филол. н., профессор
Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского (филиал) г. Арзамас
kobos52@mail.ru

ПУШКИНСКИЙ МОТИВ СНА В РОМАНЕ И. А. ГОНЧАРОВА «ОБЛОМОВ»©

О пушкинских «снах» написано немало. Однако лицейская лирика поэта в этом её аспекте пока ещё не заинтересовала исследователей. В то же время речь здесь может идти не просто об отдельных поэтических текстах, но, по крайней мере, пять стихотворений – «Сон», «К Морфею», «К сну», «Сновидение», «Пробуждение» (обе редакции) – тематически образуют своеобразный онирический (сновидческий) цикл. Цикл этот вполне заслуживает отдельного исследования, в том числе и в мифопоэтическом аспекте. У нас же речь преимущественно пойдет о традиции, о преемственном влиянии на гончаровский роман стихотворного отрывка «Сон», который в обозначенном цикле является центральным.

Стихотворение «Сон» относится, как и весь цикл, к ранним лицейским опытам 1816 года. На первый взгляд, отрывок написан в традиционном для эпикурейской поэзии духе: здесь воспеваются лень, наслаждения, прелести уединенной сельской жизни и т.д. Возможно, именно эта привычность и мешает исследователям заметить подтекст иного рода, который мы и попытаемся обозначить. Кстати, по мнению исследователей [4, с. 620-621], этот отрывок представляет собой часть несохранившегося дружеского послания «Оправданная лень», что уже ассоциативно связывает пушкинский текст с романом «Обломов», который вполне мог бы носить такое же название, ибо являет собой, по сути дела, онтологическое обоснование сна как образа жизни.

Вообще онтологическая формула «жизнь есть сон» является, конечно же, общеевропейской философской и поэтической категорией. Но в русском художественном сознании XIX века она постепенно обретает свое особое значение и понимание, и именно с Пушкина.

Достоевский, несомненно, был прав, называя Пушкина последним русским пророком в национально-православном значении этого слова. Но пророческий дар явился в Пушкине, конечно же, не вдруг. Естественно, понимая творчество поэта как абсолютную целостность, как непрерывное движение его творческого сознания, мы в любом произведении поэта, в каждом его слове ищем вектор этого движения. И в этом аспекте лицейский отрывок – не исключение. Мифологема «сна» и соответственно весь соотношенный с ней круг символов восходят здесь не только (и не столько) к европейской традиции, но и образуют новый мифологический текст, связанный пониманием и преодолением эпикурейства как праздности, как скитальчества. Путь поэта к духовному пробуждению (к православию, к народности, к национальной самобытности) обозначен уже в «Сне», где, кстати, вполне просматривается и «даль свободного романа»:

Но вы прошли, о ночи безмятежны!
И юности уж возраст наступил...
О, дайте мне Альбана кисти нежны,
И я мечту молодой любви вкусил.
И где ж она? Восторгами родилась,
И в тот же миг восторгом истребилась.
Проснулся я <...> [Там же, с. 174].

В пушкинском «Онегине» сама жизнь героя есть жизнь-сон, но нет пробуждения. А пробуждение, как авторская позиция, обозначено именно в лирическом эпилоге об оставленном «празднике жизни».

В стихотворении только первая часть традиционна, представляя собой своего рода эпикурейский гимн сну:

Я сон пою, бесценный дар Морфея <...>
Приди, о Лень! Приди в мою пустыню.
Тебя зовут прохлада и покой,
В одной тебе я зрю свою богиню <...> [Там же, с. 170].
Спешите же под сельский мирный кров,
Там можно жить и праздно, и беспечно,
Там прямо рай <...> [Там же, с. 171].

Композиционно стихотворение «Сон» четко делится на две части. И во второй части шутивно-восторженный пафос полностью исчезает, на смену ему приходит элегическая интонация лирического размышления о собственной судьбе:

Я не герой, по лаврам не тоскую;
Спокойствием и негой не торгую <...> [Там же, с. 174].

Однако пушкинский отрывок интересен не только как начало пути поэта от скитальца к страннику, но и своим неожиданным «явлением» в романе И. А. Гончарова «Обломов». Не затрагивая пока вопроса о причинах этого явления, обозначим это сходство как «версию», как общий мифологический вектор всей русской литературы. Сразу отметим, что сходство здесь не частное, не на уровне цитат, но явно ощутимо и как идейное родство, и как близость и преемственность на уровне структуры текста.

Жизнь Обломова изображена в романе именно как жизнь-сон в том понимании этой категории, которую мы сформулировали в начале статьи. Это – жизнь без движения, вне времени. Жизнь-смерть, без пробуждения: «это был какой-то всепоглощающий, ничем непобедимый сон, истинное подобие смерти» [2, с. 111]. По сути дела, роман и строится на оппозиции: сон-смерть и не сон-жизнь. Не случайно Штольц рядом ставит два определения: «живые, не спящие люди» [Там же, с. 173] (*здесь и далее в цитатах курсив автора – Б. К.*), а сам автор, характеризуя Илью Ильича, отмечает: «Он не привык к движению, к жизни» [Там же, с. 65], то есть опять-таки: движение как синоним жизни, а недвижность (сон) как синоним смерти. В пушкинском стихотворении эта оппозиция также намечена:

Но сладостью веселой ночи снов
Не думайте вы даром насладиться
Средь мирных сел, без всякого труда.
Что ж надобно? – *Движенье*, господа [4, с. 171]!

И как пример рисует образ Клита, «ритм» жизни которого полностью совпадает с обломовским. Сравним. У Пушкина:

Похвальна лень, но есть всему пределы.
Смотрите: Клит, в подушках поседелый,
Размученный, изнеженный, больной,
Весь век сидит с подагрой и тоской.

Наступит день; несчастный, задыхаясь,
Кряхтя ползет с постели на диван;
Весь день сидит; когда ж ночной туман
Подернет свет, во мраке расстилаясь,
С дивана Клит к постеле поползет [Там же].

У Гончарова: «Лежание у Ильи Ильича не было ни необходимостью, как у больного или как у человека, который хочет спать, ни случайностью, как у того, кто устал, ни наслаждением, как у лентяя: это было его нормальным состоянием. Когда он был дома – а он почти всегда был дома – он всё лежал» [2, с. 4-5]. «Он как *встанет утром с постели, после чая ляжет тотчас на диван...*» [Там же, с. 64].

Кстати, именно символический образ *дивана* – один из ключевых как в первой части стихотворения Пушкина, так и в романе Гончарова. Удивительно близки по своему содержанию, построению, интонации сон – детское воспоминание поэта во второй части стихотворения и «Сон Обломова». Причем в обоих текстах именно эти сны являются структурообразующими. Здесь и образ няни, и рассказываемые перед сном волшебные сказки, от которых «всё в душу страх невольный поселяло» [4, с. 173]. Наконец, оба произведения тесно связаны оппозицией город-деревня, цивилизация-природа. Пушкинские и гончаровские сельские пейзажи населены родственными образами-символами и структурно значимы.

Размышляя о внутренней близости двух произведений, необходимо остановиться еще на одном аспекте, связанном с мотивом, пожалуй, ключевым для русской литературы. Это мотив *покоя*. Общность Пушкина и Гончарова в этом плане в свое время была обозначена В. А. Котельниковым. Исследователь справедливо отмечал, касаясь романа «Евгений Онегин»: «Пушкин носил в себе «русский покой», осознавая его и находя ему художественное выражение. До небывалой сгущенности оно было доведено в середине века Гончаровым» [3, с. 30]. Обломов – это «русский фрагмент мирового влечения к покою» [Там же, с. 31]. Кстати, в романе Гончарова слово «покой» в тех или иных модификациях употреблено, как подсчитали исследователи, 140 раз. Но и в лицейских стихах Пушкина, связанных с темой сна и, как было уже сказано, образующих онирический цикл, это слово одно из ключевых, при этом «покой» и «сон» у обоих авторов семантически и онтологически соподчинены. Так, в стихотворении «К сну» читаем:

О сон, хранитель добрый мой!
Где ты? Под кровлею пустынной
Мне ложе стелет уж *покой*
В безмолвной тишине ночной [4, с. 189].

В отрывке «Сон», обращаясь к своему «другу Морфею», поэт восклицает:

Забуду ли блаженный неги час,
Когда, в углу под вечер притаюсь,
Я призывал и ждал тебя в *покое* [Там же, с. 173]...

Роман Гончарова – это и в целом (а не только по IX главе) роман-сон, постоянное возвращение героя в однажды приснившуюся Обломовку; именно она, как воплощение покоя, дает жизненные силы Илье Ильичу. Пространство сна – это духовное пространство Обломова. И в последний раз мы его видим «так же кротко *покоящимся* на одре смерти, как на ложе сна» [2, с. 487].

У Пушкина стихотворение «Пробуждение» заканчивается созвучными строками:

И поутру,
Вновь утомленный,
Пускай умру
Непробужденный [4, с. 209]!..

По сути дела у Пушкина, а вслед за ним – и у Гончарова мы видим обоснование сна как образа жизни, да и как модели бытия. Здесь необходимо сделать одну важную оговорку. Было бы явной натяжкой искать в лицейской лирике Пушкина воплощение «русского покоя», покой в религиозно-онтологическом понимании этого слова. В контексте интересующего нас сновидческого цикла в разработке мотива покоя преобладает всё-таки эпикурейско-гораццианская линия. И только в Болдине, оставляя своему Онегину лишь мучительное «беспокойство», поэт приходит к православному мирозерцанию и христианскому пониманию покоя в его единстве с *воскресением*. И Гончаров не случайно, как нам представляется, сблизил своего Обломова именно с Онегиным, а в романе, в целом, явно ощущается влияние раннего пушкинского стихотворения. Он заимствует у Пушкина художественную модель бытия, которая воплощает собой жизнь-сон без пробуждения, покой без воскресения. Собственно это подтверждает и сам романист в своих критических заметках: «Воплощение сна, застоя, недвижной, мертвой жизни – *переползание изо дня в день* – в одном лице и в его обстановке было всеми найдено – и я счастлив. Я закончил свою *вторую* картину русской жизни, *Сна*, нигде не пробудив самого героя *Обломова*» [1, с. 160].

И в заключение – одно замечание. Как видим, намеченный нами ряд сближений позволяет увидеть в «Обломове» романную версию пушкинского «Сна»: пушкинский и гончаровский тексты очень близки. Но вот был ли знаком Гончаров с лицейской лирикой Пушкина, и прежде всего – со стихотворением «Сон»? Документальными свидетельствами мы не располагаем. Но в посмертном собрании сочинений поэта этот пушкинский текст был напечатан по тетради А. В. Никитенко, с которым Гончаров, как известно, был в близких отношениях. И этот факт дает нам право предположить, что писатель знал пушкинский текст. Но в любом случае мы вполне можем говорить о традиции и типологическом родстве двух произведений.

Список литературы

1. **Гончаров И. А.** Лучше поздно, чем никогда. Критические заметки // И. А. Гончаров-критик. М.: Советская Россия, 1981. С. 147-194.
2. **Гончаров И. А.** Обломов. Роман: в 4-х ч. М.: Советская Россия, 1982. 496 с.
3. **Котельников В. А.** «Покой» в религиозно-философских и художественных контекстах // Русская литература. 1994. № 1. С. 3-41.
4. **Пушкин А. С.** Стихотворения лицейских лет. 1813-1817. СПб.: Наука, 1994. 755 с.

PUSHKIN'S MOTIF OF DREAM IN THE NOVEL "OBLOMOV" BY I. A. GONCHAROV

Kondrat'ev Boris Sergeevich, Doctor in Philology, Professor
Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod (Branch) in Arzamass
kobos52@mail.ru

The article considers the works of Pushkin's lyceum lyrics that thematically form a kind of oneiric (dreaming) cycle, analyzes the main motifs and images of poetic texts, and reveals the reasons of poet's issuing to the mythology of dream. The author pays special attention to the poem "Dream", which is a central one in this cycle, in the aspect of its ontological connection with Goncharov's novel "Obломov".

Key words and phrases: lyceum lyrics; oneiric cycle; Pushkin's tradition; poetic motif; Orthodoxy; the Russian novel; mythopoetics; symbol; Epicurean poetry; spirituality.

УДК 811.111

Филологические науки

Представлен обзор различных интерпретаций экспрессивного значения в зарубежной лингвистике XX и начала XXI века, а также методологий его исследования. Акцентируется разграничение дескриптивного, экспрессивного и социального типов значения. Обосновывается необходимость изучения экспрессивности как свойства языковых единиц, тесно связанного с речевым поведением человека. Подчеркивается продуктивность междисциплинарного подхода в исследованиях языковой категории экспрессивности.

Ключевые слова и фразы: эмотивная функция языка; функциональная лингвистика; стилистика; междисциплинарный подход; экспрессивная семантика; дескриптивный, экспрессивный и социальный типы значения; антропоцентрическое направление в лингвистике; эмоционально-чувственная сфера общения.

Королева Екатерина Игоревна

Викулова Елена Александровна, к. филол. н.

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
korolyova87@mail.ru; vilena48@bk.ru

ЭКСПРЕССИВНОЕ ЗНАЧЕНИЕ КАК ПРЕДМЕТ ДИСКУССИЙ
В ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ©

Проблемы экспрессивности языка привлекают внимание не только специалистов-языковедов, но также представителей других областей гуманитарного знания. Этот повышенный интерес обусловлен природой самого предмета изучения, поскольку экспрессивность выявляется на всех уровнях языка, она способна выступать в коммуникативном акте как средство субъективного выражения отношения говорящего к содержанию или адресату речи, как отражение особенностей коллективного и индивидуального сознания. Экспрессивность как одно из свойств языковых единиц тесно связана с категорией эмоциональной оценки и в целом с выражением эмоций у человека [6, с. 591]. Несмотря на устойчивое внимание к проблемам экспрессивности в стилистике и общем языкознании, в психолингвистике и прагмалингвистике, в семантике и в теории коммуникации, многие аспекты этого явления требуют дальнейших исследований с применением, в частности, междисциплинарных методологических подходов. Одним из основных научных трудов, где впервые были рассмотрены вопросы языковой экспрессивности, является книга Ш. Балли «Французская стилистика» (первое издание 1909 г.). Эта работа считается классической, к ней обращаются представители разных школ функциональной лингвистики, трактуя и развивая её основные положения [1]. «По мнению Ш. Балли, – пишет В. Н. Телия, – понятие экспрессивной окраски имеет значение родового термина, который включает в себя видовые понятия – окраска эмоциональная, социальная, приемы интенсификации и образности, то есть всевозможного рода приемы тропической мотивации» [7, с. 39].

В современной англоязычной научной литературе понятие *экспрессивное значение* (expressive meaning) часто встречается в работах по лингвистике, семиотике, этике, эстетике, причем мнения и оценки исследователей данной проблематики существенно различаются. Н. Бесньер отмечает в своей статье [8, р. 420], что крупные ученые-лингвисты ограничиваются сферой реферативного (дескриптивного) значения, в то время